

Неделя, предшествовавшая моему походу в больницу для практического обучения, прошла за запоминанием всей книги, написанной Цунадэ, а затем многократным её перечитыванием с активированным Шаринганом, чтобы вжечь её в память.

Это было самое важное, что я делал, хотя я также ходил в академию, как обычно, и продолжал тренировать моё владение огнём, чтобы начать выполнять некоторые техники ниндзюцу. Но медицинские знания были важнее всего. Это был ключ к значительному увеличению моих шансов на выживание.

Я заметил, что хотя я запоминал детали книги с идеальной ясностью благодаря Шарингану, иногда возникал некий разрыв между тем, как мой разум обрабатывал воспоминания о словах, и тем, что они действительно означали. Перечитывание исправляло это.

На более циничной ноте, Наруко была в довольно раздраженном настроении. В её квартире сломалась сантехника, и вода затопила помещение, создавая запах канализации. АНБУ, вероятно потому, что никто другой не мог быть доверен не подложить где-нибудь взрывную печать, были заняты уборкой, но это оставило её в затруднительном положении. Поэтому, несмотря на моё желание сохранить иллюзию крепости уединения, АНБУ превращали это в ложное ощущение одиночества, я позволил ей провести день у меня дома при условии, что она ничего не тронет. Сейчас она была занята в моём дворе, взрывая камни своей чакрой.

Несколько тревожно, что Джинчурики была увлечена взрывами, но я не мог много сказать, потому что сам наслаждался поджиганием вещей.

Завернув книгу в огнестойкую ткань на всякий случай, я положил её в ящик стола моего отца, в комнате все ещё ощущался слабый запах sake, который он любил.

Прошло уже несколько месяцев. Я подумал, выходя из комнаты, чтобы быстро поговорить с Наруко.

Кошмары продолжались, запах моей собственной крови, когда я тренировался до кровавых мозолей на костяшках пальцев, вводил меня в состояние борьбы или бегства из-за этого триггера. Чертов Итачи.

Я ненавижу иметь эту слабость. Ненавижу, что мои сны были осквернены ядом Итачи. Ненавижу, что не мог смотреть на счастливые семьи на публике, не сдерживая желание усмехнуться, потому что они пожинали плоды уничтожения моей семьи!

Успокойся. Я приказал себе, расслабляя пальцы, которые, как я только что заметил, впивались в мои ладони. Нет смысла злиться на них. Сосредоточься на Обито и Итачи.

Приведя дыхание в порядок, я стоял неподвижно и считал до десяти, сосредоточившись на своем сердцебиении и хаотичном пульсе моей чакры под кожей.

Через несколько мгновений мои эмоции вернулись к обычной тупой боли вместо пламени, которое было всего лишь мгновение назад.

С чистой одеждой и аккуратно уложенными черными волосами, я открыл заднюю дверь и свистнул, чтобы привлечь внимание Наруко. Блондинка с яркими глазами бросила камень, который почти разбила, и побежала ко мне, почти споткнувшись.

— Что-то случилось? — Она спросила почти с опаской, — Я не хотела ничего делать, 'ттебайо. Ты злишься, что я разбила камни?

Её испуганный взгляд заставил меня прикусить внутреннюю сторону щеки, сдерживая желание усмехнуться.

— Наруко, — я поднял руку, всё ещё раздражённый тем, что она сразу же предположила, что я зол на неё, — Я просто хотел сказать, что иду в больницу для тренировки, чтобы ты не волновалась, где я.

На прошлой неделе моя злость на деревню и Сарутоби достигла нового уровня. Эта маленькая девочка была так напугана отвержением, что цеплялась за каждую крупницу привязанности и постоянно беспокоилась, что я внезапно скажу ей держаться подальше от меня.

— А, — блондинка, о которой я думал, потёрла затылок, смущённо, — Прости.

— Хн, — я отмахнулся, пожав плечами, — Еда в холодильнике. Не ешь то, что в серой миске.

Это были остатки с ужина, и я сохранял их для обеда. Я просто закажу Наруко еду из Ичираку, когда вернусь.

Наруко кивнула счастливо, моя фраза о том, что я иду тренироваться, успокоила её.

— Ладно.

Я повернулся и ушёл, тихо размышляя, было ли умным решением оставить гиперактивного восьмилетнего Джинчурики без присмотра в моём доме.

Может, я могу дать ей кофе и запереть её в комнате Итачи. Подумал я, направляясь по крышам, чтобы быстрее добраться до больницы.

На моём лице появилась улыбка, когда я использовал упражнение по потоку чакры, которое я делал, чтобы укрепить мышцы, сосредоточившись на дыхании и сердцебиении для максимальной эффективности.

Мои сандалии заскрежетали по черепице, и я вонзил ногу, чтобы перенестись на следующую крышу.

Я, безусловно, был новичком для любого из АНБУ, которые следили за мной, но знал, что это был достойный навык, даже на базовом уровне, и в девять лет он редко встречался.

Окружающая среда немного размылась, когда я ускорился, поэтому я активировал Шаринган, и визуальное восприятие стало идеальным. Слабые волны чакры, исходящие от людей, создавали едва заметные искажения в воздухе, что завораживало.

Я добрался до больницы и спрыгнул с крыши соседнего здания, приземлившись на землю.

Выключив глаза на время, я вошёл в больницу и подошёл к стойке, нахмурившись, когда понял, что слишком низок, чтобы смотреть поверх неё.

Медсестра фыркнула и встала со своего места, чтобы посмотреть на меня сверху.

— Чем могу помочь, молодой человек? — любезно спросила она, изучая меня, вероятно, пытаясь определить, не ранен ли я.

Я знал, как ориентироваться в больницах из других воспоминаний, но больницы в деревне шиноби были немного другими, обслуживая как солдат, так и гражданских.

— Я Учиха Саске, — вежливо сказал я, и в её глазах мелькнуло осознание, — Хокаге дал мне разрешение учиться ирёниндзюцу. — Я показал пропуск, который оставили у меня дома АНБУ на следующий день после встречи с Сарутоби.

Она взяла записку и прочитала её, потянувшись за другим листом на своём столе.

— Понятно, — пробормотала она, положив записку в ящик, который загудел на мгновение, а затем затих, — Комната 17. И надеюсь, что у вас всё получится, — добавила она мягко.

— Спасибо, — пробормотал я, направляясь к дверям, ведущим к больничным палатам.

Запах антисептика и слабое свечение чакры напомнили мне о том, когда я последний раз был в больнице, заставляя меня чувствовать себя некомфортно, когда мои сандалии стучали по мраморному полу.

Поворачивая за угол, я уловил слабый запах крови и прикусил внутреннюю сторону щеки, чтобы она закровоточила.

— Почему, 'Тачи! Как ты мог это сделать!

Я добрался до комнаты 17 и толкнул дверь, заметив сероволосого человека, который мыл руки.

Когда младший ирьёнин повернулся, моя кровь застыла при виде его лица.

Седые волосы, тёмные глаза и очки на лице.

— Здравствуй, Учиха Саске, — приветствовал меня Якуши Кабуто, даря мне улыбку, которую я знал, что она фальшивая, — Я Якуши Кабуто.

<http://tl.rulate.ru/book/110075/4268456>